

Последняя роль Евгения Евстигнеева

КАК ГОГОЛЬ ВРЕМЕННО ПОБЕЖДАЕТ ЮРСКОГО, НО АРТИСТ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОДОЛЕВАЕТ КЛАССИКА

СУГУБО ЛИЧНЫЕ И СУГУБО СУБЪЕКТИВНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. ПИСАНО ПОСЛЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ СПЕКТАКЛЯ «ИГРОКИ-XXI» И ОСТАВЛЕНО БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ПРОЛОГ

Традиционный занавес МХАТа традиционно раздвигается под оглушительную мелодию неаполитанской песни «Вернись в Сорренто», и перед любопытствующими зрителями, собравшимися, чтобы посмотреть первую работу АРТеги АРТистов, собравшей под свои знамена театральных звезд первой величины, встает вопрос: а бывал ли Гоголь в Сорренто? Ведь спектакль создан «по мотивам» прозы и пьесы Н. В. Гоголя...

Просторная комната залита солнцем. Где-то совсем рядом плещется море... Сорренто? Но телевизор, стоящий на холодильнике, и две параллельно стоящие кровати возвращают разыгравшееся было воображение к нашему совковому гостинично-санаторному сервису, тем более что на одной из кроватей сидит безмолвная женщина, которую ни с кем не спутаешь благодаря ее серо-голубой нехитрой униформе, — горничная-уборщица.

А из-за окон доносится такой типичный в своей навязчивой непрекращаемости голос, усиленный мегафоном: желающие приглашаются в морское «путешествие на Гоголе»: теплоход вот-вот отойдет от причала...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Когда в этом солнечном номере появляется элегантный Леонид Филатов (он же карточный мошенник Ихарев) и начинает гоголевским слогом изъясняться с горничной и новыми знакомцами, не остается никакого сомнения в том, что Гоголь — очень современный писатель. Даже слово «господа» предусмотрел для наших безумных дней.

Ай да Юрский, ай да молодец! — упирается зрелищем публика, тем более что в зрелище этом, как и было обещано, принимают участие еще и такие артисты, как Наталья Тенякова, Александр Калягин, Вячеслав Невинный. Но упивается недолго, потому что наступает момент, когда Гоголь ну никак не ложится в прокрустово ложе нашей замечательной действительности. Не помогают ни включения телевизора с вестями о ставропольской банде, ни «Арлекино» с «Яблонями в цве-

ту». Гоголь с его текстом глубже того, что играется в этом осовремененном варианте. Глубже, и поэтому в таком упрощенном виде (простите, сугубо личное впечатление) он скучен. Спектакль садится, перестает двигаться, несмотря на усилия великолепных артистов. Они говорят в пустоту, говорят себе, а не залу, пока не появляется блистательный Евгений Евстигнеев.

Его роль можно было бы назвать великолепным концертным номером, если бы не то обстоятельство, что именно Евстигнеев вновь дает ход забуксовавшему было действию. Но тут режиссер Сергей Юрский... делает перерыв.

АНТРАКТ

Перерыв в этом спектакле в основном служит для того, чтобы зрители вконец истомились в неизвестности по поводу Геннадия Хазанова. Когда же он появится на сцене и что за роль у него? Многие попросту спрашивают: «А будет ли Хазанов с его хохмами?»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Хазанов в нем появляется. Но сначала великолепно доигрывает свою партию Евстигнеев, сплотив

вокруг себя актерский ансамбль и как бы взбодрив его.

Все это, как нетрудно догадаться, писалось в то счастливое время, когда Евгений Александрович был еще жив. Когда не пришла еще ко всем нам весть о трагической потере российского театра.

Кто бы мог подумать, глядя на лукавого, неутомимого Евстигнеева, словно переливавшего свою энергию в затухающий спектакль, веселого Евстигнеева, с наслаждением купающегося в своей роли, кто бы мог подумать тогда, что это его последняя в жизни театральная работа!

Но вернемся к спектаклю.

Действие во втором акте начинается катиться активнее: может, как лошадь, — ближе к дому, а может, потому, что в нем окончательно побеждает Гоголь, его текст, который заставляет задуматься о том, зачем понадобилось Юрскому все это осовременивание. И не мелькает ли от этого характер главных персонажей (размах «деятельности» которых был возможен тогда, в богатой, процветающей России, а не теперь, в измучившей, сжимающейся, как шагреновая кожа, стране)?

Нет, что ни говори, а и мошенники-то тогда были покрупнее! Чего уж там...

Может быть, поэтому Леонид Фи-

латов играет не столько шулера, сколько артиста своего дела. И вот его, такого тонкого и артистичного, жестоко обманули шулеры, наплевав в душу. И плачет жертва мошенников. И смеешься над ним, и жаль бы его, если бы режиссер не заставлял артиста так долго рыдать. Правда, Ихарева утешает преобразившаяся в роскошную красотку горничная Аделаида Ивановна. И звучит на весь зал неаполитанская песня о счастье, намекая зрителям на то, что смех может быть и «сквозь слезы».

А как же Хазанов? — спросите вы. Есть, есть в этом спектакле Хазанов! Уже одно только его появление сразу вызывает овации. В черном костюме и шляпе, то ли мафиози, то ли похоронный агент, он, такой загадочный и многозначительный, приковывает к себе внимание, внося свою краску в любопытное зрелище, которым является новый спектакль.

ЭПИЛОГ

Овации. Поклоны. Цветы. И значит — успех? Ходить на этот спектакль будут. Это очевидно. Будут даже ломиться. И игра Н. Теняковой будет становиться все отточеннее. И еще загадочнее станет ее Аделаида Ивановна.

И все больше станут сочувствовать зрители герою Леониду Филатову, иззявшему, чуть нагловатому мошеннику, на поверку оказавшемуся слишком доверчивым и оттого даже трогательным.

Будут с замиранием следить за Хазановым, будут радоваться встрече с другими прекрасными артистами.

АРТель и ее главный АРТиллерист не напрасно собрали бесприкрытую актерскую команду.

Но, может быть, все это можно было сделать и без «путешествия на Гоголе»?

Р. С. И вообще — что теперь будет без Евстигнеева?

Дина АБРАМОВА.

НА СНИМКЕ: Е. ЕВСТИГНЕЕВ в своей последней роли.

Фото Юрия ЛУНЬКОВА.